

НИК. СУХАНОВЪ.

**ПОЧЕМУ
МЫ ВОЮЕМЪ?**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Издательство „КНИГА“

Петроградъ, Стремянная, 11.

Ник. СУХАНОВЪ.

ПОЧЕМУ МЫ ВОЮЕМЪ?

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
Издательство „КНИГА“
Петроградъ, Стремянная, 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книжка составилась изъ ряда статей, печатавшихся въ журналѣ «Лѣтопись» въ первой половинѣ текущаго года (февраль-май). Статьи эти представляютъ изъ себя одно неразрывное цѣлое: онѣ суть не что иное, какъ главы монографіи, тема которой вполне точно опредѣляется общимъ заглавіемъ книжки. Тѣмъ не менѣе эти главы имѣютъ форму журнальныхъ статей, которымъ невозможно было придать болѣе компактный видъ въ силу нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ. Тѣми же обстоятельствами, а также необходимой въ журналѣ краткостью объясняется недостаточная разработанность нѣкоторыхъ пунктовъ. Но теперь, когда «каждая минута стала исторической», она стала и соотвѣтственно дорогой: я отказываюсь отъ переработки и дополненій въ интересахъ скорѣйшей популяризаціи элементарныхъ истинъ, надъ сокрытіемъ которыхъ такъ дружно и неустанно работаетъ вся пресса нашихъ дней. — Нѣкоторыя изъ нижеслѣдующихъ страницъ могутъ служить дополненіемъ къ другой моей книжкѣ «Наши лѣвыя группы и война» (4-е изд. Петроградъ), участь которой — «благородное негодованіе», взрывы злобы, потоки грязи и клеветы, — вѣроятно, раздѣлитъ предлагаемая книжка.

Авторъ.

15 мая 1916 г.

Допущено военной цензурой. Петроградъ, 23 мая 1916 г.
Тип. Петроград. Градонач., Нам. п., 8 р., д. № 20-б.

Русская публицистика о происхождении войны.

Съ первыхъ же недѣль войны началась теоретическая работа надъ выясненіемъ причинъ и цѣлей невиданнаго въ исторіи международнаго столкновенія. Градомъ посыпались статьи, сборники, монографіи, стремившіеся — каждая на свой ладъ — освѣтить вопросы: для чего мы воюемъ, каково происхожденіе войны, кто ея виновники, и каковы будутъ ея послѣдствія. Въ этой работѣ приняла довольно дѣятельное участіе и наша русская публицистика. И само собой разумѣется, что сколько-нибудь интересные результаты дала здѣсь работа нашей передовой, прогрессивной, если угодно — «лѣвой» журналистики и «лѣвыхъ» общественныхъ группъ, руками и умами которыхъ какъ-никакъ творится доселѣ русская культура. Во всякомъ случаѣ, въ этой работѣ — не въ примѣръ полной бесплодности «правыхъ» — есть, что отмѣтить, надъ чѣмъ поразмыслить и въ чемъ... усомниться.

Мы взглянемъ на то, что дала до сихъ поръ наша серьезная публицистика для выясненія причинъ и историческаго происхожденія войны *). При этомъ мы сразу и рѣшительно отбросимъ всю словесную «юридическую надстройку», всѣ формальные поводы и предлоги, вродѣ убійства австрійскаго наслѣдника, весь ходъ дипломатическихъ сношеній, обмѣнъ нотами и телеграммами, закулисные и демонстративныя заявленія, всѣ слова, сказанныя для изъясненія и для сокрытія мыслей, съ прямымъ или косвеннымъ, съ явнымъ, тайнымъ или темнымъ смысломъ, достовѣрныя или сомнительныя, всѣмъ уже извѣстныя и еще никому, кромѣ вершителей судебъ, невѣдомыя. Все это могло бы послужить точнымъ описаніемъ условій возникновенія войны; въ луч-

*) Цѣли воюющей Россіи въ пониманіи нашихъ «лѣвыхъ» («опозиціонныхъ») круговъ я рассматривала въ брошюрѣ: «Наши лѣвыя группы и война». Петроградъ. 1916 г.

шлемъ случаѣ это могло бы указать перваго «зачинщика» катастрофы, того «героя», который «бросилъ спичку въ пороховой погребъ». Но вѣдь ясно, что все это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія при серьезномъ углубленіи въ историческій смыслъ событій. Не отъ копеечной же свѣчки, въ самомъ дѣлѣ, сгорѣла Москва. И не мудрено, что сейчасъ, черезъ полтора года, этотъ споръ гоголевскихъ героев о приоритетѣ уже мало кого интересуеъ и рѣшительно никого не удовлетворяетъ.

Мало того, — прошло время и такихъ, напр., объясненій по Илолайскому, какое можно заимствовать изъ статьи г. Слонимскаго, напечатанной въ юбилейной книгѣ «Вѣстника Европы»: «официальная Германия, опираясь на непомерное развитіе своихъ вооруженныхъ силъ, рѣшила подчинить себѣ Европу и занять господствующее положеніе среди государствъ и націй культурнаго міра. Германскій милитаризмъ, доведенный до крайняго напряженія, провалился наружу въ страшную катастрофу — въ столкновеніи миллионныхъ армій, снабженныхъ самыми усовершенствованными разрушительными орудіями... Такая постановка вопроса, — справедливо заключаетъ г. Слонимскій, — не удовлетворяетъ стремящихся отыскать болѣе глубокія причины изучаемыхъ явленій». Правда, съ другой стороны, г. Слонимскаго не удовлетворяютъ и ссылки на общій ходъ историческаго развитія, сдѣлавшей неизбежной все-европейскую войну... Нельзя, — говоритъ онъ, — «не принять во вниманіе, что въ одной только Германіи проповѣдуется принципиальная необходимость войны... Ни въ какой другой странѣ не раздѣляется эта прусско-германская точка зрѣнія, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія навязывать ее другимъ народамъ и государствамъ, въ видѣ общаго правила, вытекающаго, будто бы, изъ законовъ исторіи. Нельзя же предполагать, что эти законы извѣстны только высокопоставленнымъ германскимъ честолюбцамъ и солидарнымъ съ ними лживымъ публицистамъ, оставаясь недоступными пониманію такихъ просвѣщенныхъ націй, какъ французы и англичане... Въ результатѣ, г. Слонимскій приписываетъ возникновеніе войны тому «своеобразному сочетанію германскаго индустриализма съ прусскимъ милитаризмомъ, какое представляетъ собою современная Германія *)».

Однако, и такое объясненіе, въ свою очередь, не удовлетворяетъ «стремящихся отыскать болѣе глубокія причины». Такіе публицисты и ученые склонны апеллировать именно къ тѣмъ самымъ «законамъ исторіи», которые такъ некстати мѣшаютъ г. Слонимскому искать желаннаго виноватаго **). Война, — пишетъ Э. Д. Гриммъ, — «создана не легкомысліемъ или коварствомъ кабинетовъ, а всеѣмъ ходомъ европейскаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, всеѣмъ складомъ экономической жизни Европы и характеромъ международной политики всеѣхъ европейскихъ государствъ»; нѣмецкая же міровая политика «является лишь неизбежнымъ отраженіемъ общеевропейской экономической политики».

Говорить это, въ сущности, единомышленникъ г. Слонимскаго; притомъ міровую катастрофу г. Гриммъ склоненъ толковать какъ «стихійно-неизбѣжную» вооруженную борьбу между германскимъ и славянскимъ мірами; по какимъ «законамъ исторіи» должна была возникнуть эта «борьба міровъ» — намъ неизвѣстно; да и простой перечень народовъ, участвующихъ въ борьбѣ съ той и съ другой сторонъ, легко разсѣетъ туманъ этого «расоваго толкованія конфликта. — Но если мы оставимъ въ сторонѣ единомышленниковъ г. Слонимскаго — представителей російскаго національ-либерализма съ ихъ «стихійно-неизбѣжными» славянофильскими «эмоціями», если мы захотимъ отыскать истинные корни и пружины міроваго столкновенія, — то намъ, конечно, не обойтись безъ дѣйствительныхъ «законовъ исторіи» и безъ изслѣдованія «объективнаго хода вещей». Вполнѣ правъ г. Слонимскій, что при такихъ условіяхъ «все наши нападки на реальныхъ виновниковъ войны теряютъ всякій разумный смыслъ». И понятно, что его это всеѣмъ не устраиваетъ: «виновный» — это сукъ, на которомъ сидятъ всеѣ его единомышленники при обоснованіи своихъ «военныхъ» позцій. Но и а съ не должно смущать отсутствіе реального

*) См. «Вѣстникъ Европы», № 12 за 1915 г., «Споры о причинахъ войны», стр. 345.

**) См. тамъ же, стр. 340.

объекта «патріотической» ненависти: политическая агитация не входит в нашу задачу. Мы попытаемся *sine ira et studio* разсмотреть те объективные условия, из которых возникла война. А вместе с тем мы постараемся оценить те выводы, к которым пришли наиболее серьезные наши исследователи по вопросу о происхождении переживаемой катастрофы.

... «Въ вопросѣ о томъ, чѣмъ вызвана нынѣшняя война, не можетъ быть и рѣчи о существенномъ значеніи факторовъ субъективныхъ и случайныхъ. Она является неизбежнымъ слѣдствіемъ закономернаго развитія мірового хозяйства и неизбежнымъ результатомъ экономическихъ противорѣчій и національныхъ антагонизмовъ, заключающихся въ современномъ міровомъ хозяйствѣ. Вотъ почему основныя и главныя причины — экономическія причины». Такъ пишетъ г. В. А. Мукосѣевъ, авторъ одной изъ наиболее обстоятельныхъ русскихъ работъ о причинахъ войны. Приведенная формулировка, конечно, еще не скрываетъ въ себѣ никакого обьясненія: для этого она слишкомъ обща и формальна. А вместе съ темъ она, какъ видимъ, крайне «фаталистична»; она не указываетъ не только на существованіе какихъ-либо субъективныхъ виновниковъ войны, но и на большую или меньшую заинтересованность, на болѣе активную или болѣе пассивную роль, назначенную волею судьбы отдѣльнымъ странамъ, въ развитіи «национальныхъ антагонизмовъ» и въ возникновеніи войны.

Чтобы поставить вопросъ на практическую почву, надо рассмотреть, во-первыхъ, какія же именно стороны, черты, свойства современныхъ экономическихъ отношеній послужили источникомъ политическаго столкновенія; а, во-вторыхъ, какія именно національно-государства могли считать для себя войну наименьшимъ зломъ и рациональнымъ средствомъ при достиженіи желательныхъ нормъ экономическихъ взаимоотношеній. Въ чемъ сущность национальныхъ экономическихъ антагонизмовъ и для кого именно было выгодно купить извѣстныя національно-экономическія блага цѣной невиданной въ исторіи войны? Такъ слѣдуетъ понимать вопросъ о происхожденіи и о виновникахъ катастрофы. При этомъ надо за-

мѣтить, что война есть, безспорно, чрезвычайное, крайнее средство; это, безспорно, наивысшая цѣна, какую только можетъ уплатить нація-государство за желательныя блага; слѣдовательно, среди воюющихъ государствъ неизбежно имѣются такія, для которыхъ методъ войны является не только рациональнымъ, но единственнымъ способомъ обезпечить для нихъ необходимыя нормы бытія...

Сущность современныхъ экономическихъ антагонизмовъ между націями-государствами, въ двухъ словахъ и въ грубыхъ чертахъ, сводится къ слѣдующему. Капитализмъ, возникшій на почвѣ «переворота въ средствахъ производства», на почвѣ революціи въ области техники, по существу своему никогда не замыкался въ національно-государственныхъ рамкахъ. Правда, нельзя сказать, чтобы капитализмъ всегда нуждался въ иноземныхъ «сферахъ влияния», какъ въ необходимомъ условіи своего существованія и развитія. Но онъ всегда стремился расширить свой рынокъ, не взирая на государственныя перегородки, и всегда добивался этого политическими средствами — въ частности, вооруженной рукой. Уже столѣтъ тому назадъ въ этихъ цѣляхъ проливалъ рѣки крови вѣрный слуга молодой французской буржуазіи, Наполеонъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ, подъ давленіемъ нашего зачаточнаго полу-дворянскаго капитализма, предпринимала наша государственная власть свои турецкіе и персидскіе походы въ николаевскую эпоху. Успѣхъ этихъ войнъ сулилъ огромныя выгоды и пышное процвѣтаніе капиталистической индустріи.

Но прошелъ рядъ десятилѣтій, и для европейскаго капитализма наступилъ иной періодъ. Мировой рынокъ, захватъ все новыхъ и новыхъ «сферъ влияния» стали для капитализма передовыхъ странъ уже не вопросомъ выгодъ и сказочныхъ барышей, а вопросомъ жизни, вопросомъ дальнѣйшаго «здороваго» существованія. — Нынѣ мы, какъ извѣстно, живемъ въ новой фазѣ капитализма, — въ эпоху чрезвычайнаго развитія капиталистическихъ монопольныхъ организацій, картелей, синдикатовъ, за которыми стоятъ банковые концерты, превращающіе свой денежный капиталъ въ промышленный. Для современ-

ной высшей стадии капитализма характерны именно трестированная промышленность и питающий ее финансовый капитал, ее фактической собственник. Вместе с тем, в этой высшей стадии капиталистического развития ни одна передовая страна уже безусловно не может поглотить тех огромных масс капитала, которые накоплены в ней. Без внешних рынков, денежных и товарных, весь хозяйственный механизм стран передового капитализма немедленно пришел бы в негодность: вся жизнь такой нации-государства — или немедленно пришла бы в крайний упадок на почве своего рода остраго малокровия, или была бы, среди «великих потрясений», преобразована на совершенно новых основаниях, характерных не для капитализма, а для иного общественного строя. Внешний рынок — совершенно необходимая атмосфера современного капитализма. А потому политика, свойственная самой природе финансового капитала, есть империализмъ... «Политика финансового капитала, — пишет его знаменитый исследователь Руд. Гильфердингъ, — преследуетъ тройкаго рода цели: во-первыхъ, создание возможно болѣе обширной хозяйственной территоріи, которая, во-вторыхъ, должна быть ограждена отъ иностранной конкуренціи таможенными стѣнами и такимъ образомъ должна превратиться, въ-третьихъ, въ область эксплуатаціи для національныхъ монополистическихъ союзовъ». Расширеніе хозяйственной территоріи, т. е. приобрѣтеніе новыхъ земель и колоній, даетъ національному капитализму сырье, товарные рынки и новыя сферы его приложенія; включеніе этихъ земель въ таможенный союзъ вытѣсняетъ иностранную конкуренцію и создаетъ ту же «благопріятную обстановку», какую послушная государственная власть уже создала на родинѣ.

Понятно, что чѣмъ дальше, темъ болѣе значеніе для передовыхъ странъ имѣетъ экспортъ капитала; по мѣрѣ накопленія капитала вообще, по мѣрѣ превращенія его въ финансовый капиталъ, промышленный экспортъ начинаетъ играть относительно меньшую роль въ мировомъ обмѣнѣ; сферы вліянія все въ большей степени приобрѣтаются для ссуднаго капитала и для приложенія капитала въ мѣстахъ экспорта. Это есть специфическій методъ фи-

нансового капитала: имъ наиболѣе легко и прочно захватываются новыя области и подчиняются монопольному господству національныхъ финансовыхъ группъ.

Однако, все это совершенно не значитъ, что промышленный экспортъ утрачиваетъ свое огромное самостоятельное значеніе, что борьба за товарныя рынки уже не имѣетъ рѣшающаго значенія для внешней политики государствъ. Ниже мы будемъ имѣть случай иллюстрировать обратное. При этомъ необходимо отмѣтить, что въ борьбѣ за внешніе товарные рынки, за колоніи и «сферы вліянія» — совершенно особую роль играетъ металлургическая синдицированная промышленность. Несомнѣнно, что многія колоніи передовыхъ странъ не имѣютъ никакого значенія, какъ рынки сбыта, для многихъ отраслей промышленности. И совершенно правильны нерѣдкія указанія, что колониальная политика этихъ странъ «не оправдывается» — съ точки зрѣнія большинства промышленныхъ отраслей и всего національнаго хозяйства. Указанія эти относятся къ государству, какъ таковому, и къ націи въ ея цѣломъ; но они не относятся къ стальнымъ и чугуннымъ королямъ, неотдѣлимымъ отъ финансового капитала. Для нихъ проныкновение въ отсталыя страны-государства, какъ и захватъ пустынныхъ земель, населенныхъ дикими, не «потребляющими» племенами, — всегда будетъ выгодно и необходимо. И оно всегда будетъ стоить любыхъ жертвъ и любыхъ затратъ: ибо эти жертвы и затраты какъ разъ и суть ихъ доходы и выгоды. Для нихъ источникомъ жизни является всякая колониальная политика, и притомъ не столько результатъ ея (всегда сомнительный), сколько ея самый процессъ: отъ колониальныхъ расходовъ, отъ неудачъ, отъ авантюръ и войнъ — разоряются народы и государства, теряютъ различныя другія отрасли промышленности и «короліи»; но металлургическая индустрія всѣмъ этимъ по преимуществу питается и живетъ. Финансовый капиталъ проникаетъ въ отсталую страну въ видѣ ссудъ подъ огромные проценты; эти ссуды, помимо процентовъ, должны послужить отсталой странѣ ресурсами для колоссальныхъ заказовъ у ссудившей страны — заказовъ на продукты ея металлургіи: рельсы, паровозы, суда, броненосцы.

пушки. Но тот же финансовый капитал и самостоятельно организует постройку тысячеверстных дорог через африканские пустыни, через Сирию, Персию и т. п.; ни для других отраслей его отечественной индустрии, ни для всего народного хозяйства, ни для местных потребителей, ни для кого вообще эти дороги часто не нужны и ничего не сулят, кроме колоссальных расходов. Но они питают национальные группы железнодорожных и банковых королей, — этого довольно, чтобы они строились. Они сулят, однако, не только колоссальные затраты, а и международные столкновения: ибо свои «короли», с теми же интересами и с той же властью, имеют и в других странах передового капитализма. Соперники и столкновения? Но тем лучше. Ведь к международным вооруженным конфликтам надо готовиться. Для защиты страны и нации надо вооружаться как можно лучше и не жалеть никаких средств. И та же металлургическая индустрия, те же «короли» поглощают львиную долю всего колоссального военно-морского бюджета передовых стран. Т. е. здесь же лежит источник не только современного империализма, но и современного милитаризма.

Итак, «экономическая противоречия и национальные антагонизмы» суть антагонизмы интересов национальных групп, связанных с финансовыми и, в частности, с металлургическим капиталом. Но ведь империализм, колониальная политика и рост вооружений — все это дела и функции государства. Все это впадают не какие-либо частные группы, а государственная власть и ее органы? Совершенно верно. Но дело в том, что сама современная государственная власть есть функция национального финансового капитала. Руководители концернов и трестов суть в полном смысле этого слова господствующая группа, обладающая всей полнотой государственной власти в передовых странах Зап. Европы. — И если государство некогда выполняло или имеет общенациональные задачи; если оно не так давно обслуживало интересы более или менее обширных общественных классов, — то ныне современное государство наиболее пе-

редовых европейских стран уже есть аппарат финансово-синдикатской национальной олигархии...

Однако, все это лишь беглые предварительные замечания. Не преодолимое стремление современного капитала в чужие и все новые земли, а также и конкуренция национальных капиталистических групп еще совершенно недостаточны сами по себе для вооруженного конфликта между передовыми странами Европы; возникновение всеевропейской войны все вышеизложенное еще совершенно не объясняет. От конкуренции национальных капиталов до вооруженного столкновения государств еще очень далеко. Для конфликта империализмов необходимо, чтобы свободное «хозяйственное расширение» было уже невозможно, чтобы запас новых, вакантных земель и рынков экспорта был уже исчерпан; чтобы дальнейшее развитие национальных империализмов могло уже происходить только за счет себя подобных. — Так ли это в действительности?

До 80-х годов прошлого столетия стремление молодого европейского капитализма к колониальным захватам и «подчинениям» отсталых стран проявлялось довольно слабо. Очень медленно колонизовались африканские побережья и дальневосточные острова. Сравнительно вяло и робко наступал капитализм Европы на Ближний Восток, на Японию, Китай и другие внеевропейские области. Еще было достаточно простора для размежевания и «свободной торговли» с экзотическими странами. — С 80-х годов в колониальной политике произошел крутой перелом. Началась захватная горячка, и в несколько лет между странами «старой культуры» были подделены огромные территории, целые страны и континенты. К этому времени завоевательная политика в предлах самой Европы уже стала почти невозможной. А между тем потребность в «расширении хозяйственной территории» стала давать себя знать с небывалой до того остротой. И немудрено, что в начале XX столетия мы видим уже весь мир захваченным и размежеванным. «Свободных» земель и стран ныне уже нет. И расширение хозяйственной территории теперь действительно возможно только за счет другого государства. —

О распределении колоний между европейскими странами даются следующие цифры:

	Территория (въ англ. миляхъ)		Во сколько разъ колоніи обширнѣе метрополіи:
	метрополіи:	колоніи:	
Англія	121.633	11.307.415	94,2
Бельгія	11.343	909.654	80,2
Голландія	12.648	736.400	58,2
Франція	207.054	4.986.543	24,2
Португалія	35.490	820.952	23,3
Испанія	110.550	591.230	5,3
Германія	208.780	1.028.820	4,9

Когда Германия вступила на путь колониальной политики, львиная доля колониального фонда была уже поделена между более старыми нациями-государствами. И мы видим, что изъ всѣхъ не только первоклассныхъ, но и вообще изъ «колониальныхъ» странъ она является наиболѣе обделенной заморскими землями. Другія передовыя націи успѣли составить «имперіи», территория которыхъ въ десятки разъ превышаетъ площадь самой родины захватывающаго капитала. Только за періодъ съ 1885 по 1900 г. Англія приобрѣла земельную площадь въ 4 милл. кв. километровъ съ населеніемъ въ 60 милл. душъ — т. е. пространство, въ 20 разъ превышающее всю Францію съ ея 39 миллионнымъ населеніемъ. — Какъ бы то ни было, нынѣ весь земной шаръ уже «цивилизованъ» и состоитъ изъ «сферъ вліянія» той или иной первоклассной европейской державы. Национальнымъ «финансовымъ капиталамъ» дальше расширяться и двигаться некуда — кромѣ какъ другъ на друга. При такихъ условіяхъ «экономическія противорѣчія и національные антагонизмы» неизбежно должны были вызвать вооруженный конфликтъ; национальнымъ группамъ капиталистовъ не оставалось ничего иного, какъ политическими средствами, вооруженной силой, расширять или защищать свою монополию или свободу конкуренціи на своей или чужой территоріи. Сдержатъ или направить въ инныя русла эти стремленія національнаго капитала могли только инныя социаль-

ныя силы внутри каждой страны. Этихъ силъ не хватило, и катастрофа разразилась.

Однако, и это все еще не объясненіе. Пойдемъ еще дальше въ конкретизаціи вопроса. Взглянемъ на отдѣльные національные интересы. — Для какихъ именно національно-капиталистическихъ группъ война являлась рациональнымъ и «последнимъ» средствомъ? И стремились ли эти группы «расширить» или «защитить»? И шло ли для нихъ дѣло о монополии или о равноправіи? И касалось ли это движеніе собственныхъ «сферъ вліянія» или вытѣсненія изъ чужихъ? — Все это уяснить необходимо, если мы хотимъ имѣть правильное и отчетливое представленіе о происхожденіи войны. Теоретически на всѣ эти вопросы мыслимы самыя разнообразныя комбинаціи отвѣтовъ. — Какъ обстоитъ дѣло въ действительности?

Міровая катастрофа началась тогда, когда германское правительство объявило войну Россіи... Но мы знаемъ, что этотъ формальный актъ не имѣетъ существеннаго значенія и можетъ быть совершенно не характернымъ ни для генезиса (происхожденія), ни для сущности мірового конфликта. Въ самомъ дѣлѣ, Германія объявила войну Россіи; но своимъ главнымъ врагомъ она съ самаго начала считала Англію, съ которой война началась значительно позже. Вся Германія, воюя на русскомъ и французскомъ фронтахъ, единодушно видѣла въ Англій первосточникъ катастрофы, и уличныя толпы нашихъ враговъ распѣвали «патріотической гимнъ» «Gott strafe England» (Боже, покарай Англію). Конечно, свидѣтельство германскаго общественнаго мнѣнія для насъ еще не убѣдительно: его можно и должно «отвести» въ той части, гдѣ отвѣтственность за войну имъ возлагается на другое государство: но почему отвѣтственность, вопреки вышнему ходу событий, взваливается на Англію, а не на Россію? Въ этомъ утвержденіи не можетъ быть особой корысти, и оно теоретически должно быть для насъ довольно интереснымъ, а практически — довольно убѣдительнымъ.

Оно вполне соответствуетъ и всѣмъ нашимъ предыдущимъ

разсужденіямъ; общеевропейская катастрофа возникла отъ столкновения интересовъ національныхъ группъ, принадлежащихъ къ первокласснымъ странамъ высокаго капитализма. Каковы бы ни были противорѣчія интересовъ всѣхъ воюющихъ націй, каковы бы ни были, въ частности, наши экономическіе антагонизмы съ Германией, какія бы выгоды ни сулила ей побѣда надъ Россіей, — все же, согласно предыдущему, узелъ и центръ конфликта мы должны искать не въ столкновении высоко развитой Германіи съ молодой и отсталой Россіей: мы должны искать его въ столкновении конкурирующихъ національныхъ «королей» передового запада — германскаго «міра» съ англо-саксонскимъ — въ лицѣ Великобританіи, и съ романскимъ — въ лицѣ Франціи.

Такое толкованіе сущности конфликта довольно популярно въ нашей серьезной литературѣ. Интересы другихъ національныхъ группъ и, въ частности, Россіи обыкновенно оцѣниваются, какъ факторы второстепенные и производные. Изъ экономическаго подъема Германіи, — пишетъ г. Мукошѣвъ, — «неизбѣжно вытекалъ конфликтъ интересовъ между Германией, съ одной стороны, и Англійей и Франціей, съ другой»; конфликтъ этотъ «не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ и, какъ извѣстно, за послѣдніе годы неоднократно ставилъ Европу на край войны»; при этомъ онъ еще «осложнялся тяжкимъ соперничествомъ на Балканахъ между Австріей, союзникомъ и орудіемъ Германіи, и Россіей, которая опиралась на финансовыя рынки Франціи и Англійи» *)... «Центръ тяжести нынѣшней міровой войны, — утверждаетъ другой видный экономистъ, г. Финъ-Енотаевскій, — слѣдуетъ искать именно въ антагонизмѣ интересовъ Англійи и Германіи. Этотъ антагонизмъ обострился до крайности и отношенія Австро-Венгріи къ Сербіи и Россіи, что и привело къ войнѣ. Столкновение же интересовъ Англійи и Германіи имѣетъ основу въ развитіи современнаго высокаго капитализма»... Вообще, быть можетъ, Н. Череванинъ былъ недалекъ отъ истины даже въ томъ своемъ утвержденіи, что «стало уже извѣстнымъ шаблономъ разсматривать настоящую войну».

*) См. сб. «Вопросы міровой войны», П. 1915, стр. 227, курс. мов.

главнымъ образомъ, сквозь призму столкновения интересовъ Германіи и Англійи... Правда, въ послѣдніе годы К. Каутскій (да и многіе другіе) доказывалъ смягченіе экономическихъ противорѣчій между этими двумя странами высокаго капитализма; онъ исходилъ при этомъ изъ «совершившагося факта» окончательнаго дѣлежа міра, изъ окончательнаго юридическаго закрѣпленія сферъ вліянія въ Африкѣ и на востокѣ; но, какъ видимъ, за форму ликвидаціи конфликта онъ выдавалъ именно его необходимую предпосылку; и едва ли вся его аргументація не была создана въ пассивистскихъ видахъ, именно въ противовѣсъ все усиливавшимся крикамъ о неизбѣжности и близости англо-германской войны. Изъ русскихъ экономистовъ П. П. Масловъ какъ будто склоненъ перенести центръ тяжести міроваго конфликта въ русско-германскія отношенія; его мнѣнія на этотъ счетъ мы дальше приведемъ. Но во всякомъ случаѣ большинство видитъ источникъ катастрофы въ столкновении «высокихъ капитализмовъ» великихъ западныхъ странъ.

Какая же именно сторона была заинтересована въ разрѣшеніи экономическихъ противорѣчій методомъ войны? И какихъ именно конкретныхъ цѣлей стремится достигнуть оружіемъ виновная сторона?

Въ Германіи, какъ мы знаемъ, заинтересованной въ войнѣ, стороной всѣ считаютъ Англійю. Но и въ нашей публицистикѣ какъ будто не существуетъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ: нападающей стороной является Германія... «Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ настоящей войнѣ, несомнѣнно, является Германія, — пишетъ Н. Череванинъ. — Ея воля сыграла рѣшающую роль въ возникновении этой войны». «Агрессивна была за послѣднее десятилѣтіе именно политика Германіи, — подтверждаетъ г. Финъ-Енотаевскій. — Все развивавшееся обостреніе интересовъ Германіи и Англійи побудило послѣднюю къ заключенію ряда соглашеній: съ Франціей, Россіей, Испаніей и Португаліей. Однако, эти соглашения не заключали военныхъ статей и имѣли защитительный характеръ... Для Франціи соглашеніе съ Англійей, какъ и союзъ съ Россіей, было лишь средствомъ защиты отъ Германіи... Вообще

Французская внѣшняя политика, по существу своему, была миролюбива... Политика Россіи не была за послѣдніе годы агрессивна по отношенію къ Германіи ни въ Персіи, ни въ Китаѣ, ни даже въ Турціи *)... В. А. Мукосѣвъ оцѣниваетъ въ томъ же смыслѣ роль Германіи, «придерживавшейся принциповъ наиболѣе активной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе агрессивной торговой политики».

Но чего же именно добивался національный капиталъ Германіи огнемъ и мечемъ? — Естественно, что въ этомъ вопросѣ мысль экономистовъ шла по линіи наименьшаго сопротивленія: экономическій подъемъ Германіи требовалъ расширенія хозяйственной территоріи; между тѣмъ Германія обдѣлена колоніями и принуждена довольствоваться жалкими объѣдками сосѣдей — странъ болѣе старой культуры; слѣдовательно, Германія стремится силой оружія отнять хоть часть необъятныхъ колоній Англій и Франціи. «Разбить въ Европѣ, чтобы взять въ Африкѣ». «Чрезвычайный экономическій ростъ Германіи, — пишетъ г. Мукосѣвъ, — фатально поставилъ передъ нею полную опасности и въ то же время полную жизненности проблему колониальнаго расширенія. И мы видимъ, что необходимость имперіализма въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія германскаго народнаго хозяйства сознавалась представителями различныхъ слоевъ германскаго народа, начиная отъ императора и кончая социалистами. Однако, въ силу сложившихся условій міроваго хозяйства, разрѣшеніе этой проблемы колониальнаго расширенія Германіи должно было неизбежно вызвать великую войну... «Теперь уже не секретъ, — замѣчаетъ, съ своей стороны, г. Финъ-Енотаевскій, — что виды на французскія колоніи явились большимъ стимуломъ къ объявленію Германіей войны Франціи».

Дѣйствительно, первыя политическія столкновения между великими западными государствами происходили изъ-за африканскихъ областей. Согласно мадридскому договору, въ Марокко было объявлено равноправіе интересовъ европейскихъ національностей. Однако, въ 1904 г. Франція, по соглашенію съ Англійей, объявила надъ Марокко свой протекторатъ; на алжезирусской конференціи

*) См. «Соврем. Міръ» № 10 за 1914 г. «Причины міровой войны».

дѣло кончилось компромиссомъ. Въ 1909 г. произошелъ новый конфликтъ между тѣми же странами на той же почвѣ, а въ 1911 г. — снова. Но совершенно ясно, что конфликтъ «высокихъ капитализмовъ» не исчерпывался ихъ борьбой за африканскія колоніи.

Для Германіи было необходимо «расширить хозяйственную территорію». Въ какомъ направленіи, въ какихъ концахъ міра — это безразлично. Желательно — во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ концахъ. «Что французская Африка являлась первымъ этапомъ на пути осуществленія Германіей намѣченной ею программы міровой политики — это, по словамъ г. Финъ-Енотаевскаго, — было ясно французамъ и англичанамъ. Приобрѣтеніе въ Сѣверной Африкѣ гаваней, имѣющихъ крупное стратегическое значеніе въ Средиземномъ морѣ, было важно Германіи для успѣшной колониальной политики въ передней Азіи и для ея плановъ на Дальнемъ Востокѣ. Но это было сильнѣйшей угрозой интересамъ Англій, и потому она усиленно поддерживала Францію въ конфликтѣ съ Германіей». Здѣсь рѣчь идетъ уже не объ Африкѣ, а о знаменитомъ нѣмецкомъ Drang nach Osten (движеніе на востокъ).

Этотъ Drang имѣетъ два развѣтвленія. Одно изъ нихъ, черезъ Балканы, Малую Азію и Месопотамію, — къ необъятнымъ дальневосточнымъ и индійскому рынкамъ. «Достаточно взглянуть на карту Балканскаго полуострова, — пишетъ Г. В. Плехановъ, — чтобы понять, откуда нынѣшняя война... За Австро-Венгріей стояла Германія, добывающаяся экономического господства въ Турціи, а особенно въ Малой Азіи. Сербія загроживаетъ ей дорогу къ этой ея цѣли. Германскимъ имперіалистамъ нужно было (посредственно или непосредственно) наложить руку на ту часть желѣзнаго пути Берлинъ-Багдадъ, который проходитъ черезъ Сербію *)...

Совершенно ясно, насколько германскій Drang nach Osten по направленію Берлинъ-Багдадъ противорѣчитъ интересамъ англійскаго капитала. Допустить Германію къ свободному южному океану, открыть ей ближнюю монопольную дорогу въ Китай, рѣшиться на рискованную пробу индійской лояльности передъ ли-

*) См. «О войнѣ», стр. 63. Петр. 1915.

домъ заигрывающаго съ исламомъ германизма—этого не могла допустить «владычица морей». Но не въ меньшей степени германскіе восточные планы нарушали исконные интересы и права Франціи. Чтобы уяснить себѣ, чѣмъ грозили французскому имперіализму перспективы, связанныя съ Багдадской дорогой, достаточно будетъ сопоставить два слѣдующіе документа. Въ брошюрѣ «La Syrie Française» (Французская Сирія) графъ Крессати такъ излагаетъ французскую «точку зрѣнія» на эту часть азіатской Турціи: «отъ Карла Великаго до нашихъ дней Франція всегда разсматривала Сирію, какъ свое моральное достояніе, и охраняла сирійскій народъ своимъ материнскимъ покровительствомъ... Сирія имѣетъ громадное значеніе для Франціи... Кромѣ правъ дипломатическихъ, религіозныхъ и политическихъ, Франція имѣетъ на Сирію еще другія права, вытекающія изъ ея преобладающаго вліянія въ области экономической, промышленной и моральной. Франція имѣетъ тамъ 709 километровъ рельсоваго пути, ей принадлежитъ трамвай между Бейрутомъ и Мальмезомъ. Она имѣетъ концессию на Райакъ-Лидія... Франціей построена дорога Бейрутъ-Дамаскъ, она имѣетъ въ Сиріи шелковыя фабрики, химическіе заводы и владѣетъ значительными земельными участками... Словомъ, съ точки зрѣнія промышленной и финансовой она занимаетъ въ Сиріи первое мѣсто... *).

А вотъ проекты Германіи. Еще въ 1899 году Deutsche Bank выступилъ съ грандіознымъ планомъ монополизациі всѣхъ набережныхъ Оттоманской имперіи и захвата желѣзныхъ дорогъ. Deutsche Zeitung въ октябрѣ 1899 г. такъ изъяснила историческій смыслъ этого проекта: «Послѣ того, какъ всѣ набережныя будутъ скуплены нѣмцами, мы введемъ тарифъ, который положитъ конецъ всякой не-германской конкуренціи. Мы соединимъ всѣ желѣзныя дороги и набережныя въ одинъ нѣмецкій трестъ подъ контролемъ Deutsche Bank. Желѣзныя дороги будутъ перевозить только нѣмецкіе товары. Такимъ образомъ, Турція превратится въ нѣмецкую колонию **). Комментаріи излишни...

*) Цит. по ст. А. Лозовскаго, см. «Лѣтопись», дек. 1915 г.

***) Цит. по книгѣ М. Павловича «Великіе жел.-дор. и морскіе пути будущаго». П. 1913, стр. 38.

Но не только на Дальнемъ Востокѣ, въ Индіи и въ азіатской Турціи нарушались англо-французскіе интересы при устремленіи германскаго капитала къ Персидскому заливу. Въдѣ путь туда лежитъ черезъ Балканы, гдѣ помѣщено не меньше 4 миллиардовъ одного только французскаго капитала. А, кромѣ того, здѣсь Германія, а еще больше союзница ея Австрія, сталкивалась съ новымъ конкурентомъ—съ Россіей. «Конфликтъ между Австріей и Россіей,—по мнѣнію г. Мукосѣева,—такъ же не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ, какъ и конфликтъ франко-англійской коалиціи съ Германіей. Стремленіе Австріи занять Салоники и утвердиться на торговыхъ путяхъ Россіи къ Средиземному морю столь же было для Россіи экономически невыгодно, какъ для Франціи и Англии было экономически опаснымъ стремленіе Германіи утвердиться въ Африкѣ и захватить торговые пути изъ Средиземнаго моря на востокъ». Дѣйствительные интересы нашей родины, ея роль и мѣсто въ настоящей войнѣ мы специально разсмотримъ въ дальнѣйшемъ. Но во всякомъ случаѣ безспорно, что «хозяйственное расширеніе» Германіи и имперіализмъ Австріи столкнулись на Балканахъ не только со странами высокаго капитализма, но и съ молодымъ капитализмомъ могущественной восточной державы.

Таковы условія и таковы послѣдствія германскаго Drang nach Osten по юго-восточному направленію. Но нужда въ «расширеніи хозяйственной территоріи» заставляетъ германскій имперіализмъ не въ меньшей степени устремляться и прямо на востокъ, на русскіе рынки. Здѣсь Германія имѣетъ дѣло съ Россіей уже не какъ съ субъектомъ, а какъ съ объектомъ имперіализма. Но, во-первыхъ, на этой почвѣ она сталкивается съ тѣми же Англійей и Франціей: эти страны кровно заинтересованы въ томъ, чтобы необъятная Россія была объектомъ приложенія ихъ собственнаго, а не германскаго капитала, мѣстомъ ихъ собственнаго, а не германскаго промышленнаго экспорта. А во-вторыхъ, молодой капитализмъ Россіи вовсе не хочетъ быть объектомъ и, естественно, противопоставляетъ наступательнымъ планамъ Германіи всю свою личную силу. «Въ отношеніяхъ къ Россіи, вызвавшихъ войну,—пишетъ П. П. Масловъ,—Германіей руководило стремленіе измѣ-

нить таможенную политику въ свою пользу, превратить Россію въ колонію путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д.)... Собственно, «далѣе» идти уже некуда и не нужно: если цѣли Германіи таковы, то этого уже достаточно для объясненія ея войны съ Россіей. Таковы условія и результаты германскаго Drang nach Osten по в о с т о ч н о м у направлению; о нихъ мы поговоримъ подробно, когда будемъ специально обсуждать интересы Россіи.

Вообще же мнѣніе, господствующее въ нашей наиболѣе серьезной литературѣ относительно «виновной стороны» и ея «движущихъ силъ», можно было бы резюмировать словами того же П. П. Маслова: «Изъ приведеннаго анализа экономическихъ причинъ войны ясно, что вызванная господствующими классами Германіи, ея агрессивной политикой, она не вызывалась народными интересами... Въ Германіи, которой принадлежитъ инициатива войны, население было, повидимому, введено въ заблужденіе германскимъ правительствомъ... Стремленіе Германіи къ политической гегемоніи диктовалось стремленіемъ уничтожить сохранявшуюся до сихъ поръ торговую гегемонію Англій, съ ея свободой торговли, замѣнить эту гегемонію своей, опирающейся въ торговыхъ договорахъ и въ опредѣленіи государственныхъ границъ на остріе меча»... Но «германскіе правящіе круги, посѣявши вѣтеръ, пожали бурю: стремясь «открыть двери» для своихъ товаровъ, они вызвали войну, которая не только охватила земной шаръ, но и приняла характеръ самозащиты различныхъ народностей»... *). Или, согласно формулѣ П. Н. Милокова, — «объясненіе (войны) въ двухъ словахъ состоитъ въ томъ, что Германія явилась послѣдней въ семью великихъ европейскихъ державъ и во что бы то ни стало хотѣла измѣнить въ свою пользу отношенія, сложившіяся до нея. На языкъ германскихъ націоналистовъ это значило — заявить претензію на «мѣсто подъ солнцемъ». Такъ какъ всѣ лучшія мѣста были заняты, то этотъ лозунгъ равнялся приглашенію по адресу сосѣдей — потѣсниться, чтобы дать мѣсто пришельцу» **).

*) См. брош. «Экономическія причины войны», М. 1915 г.

**) См. «Ежегодникъ Рѣчь» на 1915 г. «Происхожденіе войны», стр. 2.

Въ результатъ, передъ нами довольно законченное логически и довольно убѣдительно фактически объясненіе происхожденія войны. Нельзя сказать, что оно, — въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено на предыдущихъ страницахъ, — было дано цѣлкомъ кѣмъ-либо изъ нашихъ изслѣдователей: одни изъ нихъ переносили центръ тяжести своей аргументаціи въ одно, другіе — въ другое; одни устремляли вниманіе и подчеркивали тѣ явленія, о которыхъ забывали или которыя затушевывали другія. Но если бы мы сдѣлали экстрактъ изъ всего наиболѣе цѣннаго, сказаннаго у насъ о причинахъ войны, то мы получили бы, на мой взглядъ, именно вышеизложенное объясненіе. Формула его, въ двухъ словахъ, можетъ быть выражена такъ. Экономическій ростъ великихъ передовыхъ странъ, вступившихъ въ стадію финансоваго капитала и монопольныхъ промышленныхъ организацій, требовалъ чрезвычайнаго расширенія хозяйственной территоріи для приложенія національнаго капитала и промышленнаго экспорта; въ противоположность первокласснымъ странамъ болѣе старой культуры, Англій и Франціи, — болѣе молодой, но не менѣе сильный германскій капиталъ уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно свободныхъ территорій въ странахъ первобытной культуры и незамятыхъ «сферъ вліянія» въ отсталыхъ государствахъ, служащихъ объектомъ имперіализма для передовыхъ странъ; германскій «національный» капиталъ могъ расширять поле своего господства только за счетъ областей, уже закрѣпленныхъ за собой капиталомъ другихъ націй; при такихъ условіяхъ германскому капиталу было необходимо «открыть» для себя чужія области или же отнять ихъ у другихъ націй — политическимъ принужденіемъ, т. е. военной силой; поэтому, германская государственная власть, послушная національному капиталу, въ союзъ съ Австро-Венгеріей, имѣющей свои мѣстные и локализованные имперіалистскіе интересы, объявила войну странамъ тройственнаго согласія.

Таково, я бы сказалъ, «послѣднее слово» о причинахъ войны, которое можно формулировать на основаніи полутороговой работы нашей передовой и наиболѣе серьезной публицистики...

Конечно, такого рода объяснение (оставляя въ сторонѣ самую его формулировку) надо признать высоко квалифицированнымъ. У него никакъ нельзя отнять стремленія «смотреть въ корень». Но и нельзя сказать, что оно дѣйствительно обнажило передъ нами корни явления, что въ немъ все ясно и безспорно. Думается, что какъ разъ посреди объясненія зияетъ огромный и крайне важный пробѣлъ, который необходимо заполнить, чтобы объяснение это не потерпѣло самага серьезнаго ущерба. Пробѣлъ этотъ, примѣнительно къ Германіи, какъ главному дѣйствующему лицу и инициатору, зияетъ какъ разъ между экономическими и предпосылками и военно-политическими выводами.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что германскій капиталъ, на его современной соціальной основѣ, не можетъ существовать безъ расширенія поля своего господства; несомнѣнно и то, что добиваться этого господства онъ можетъ только за счетъ странъ согласія. Но этого еще не достаточно для вывода, что данное «положеніе обязываетъ» его къ военно-политическому отвоеванію условій для своего роста и процвѣтанія. Для такого вывода необходимо установить, что безъ иѣкого новаго политическаго status'a, который Германія стремится установить въ результатъ войны, ея національный капиталъ не въ состояніи безболѣзненно жить и развиваться. Спора быть не можетъ: финансовому капиталу и трестированной промышленности Германіи чрезвычайно выгоденъ этотъ новый status, и она къ нему стремится всѣми силами, всѣми рациональными средствами. Но было ли для нея рационально примѣненіе крайняго средства, т. е. могло ли для нея достиженіе новаго желаннаго status'a окупить современную войну—этого еще не видно изъ предыдущаго. Это было бы несомнѣнно въ томъ случаѣ, если бы современный, до-военный status обрекалъ германское капиталистическое развитіе на регрессъ или на состояніе застоя. Такъ ли это?

Намъ необходимо взглянуть, каково же дѣйствительное экономическое движеніе Германіи въ ряду другихъ странъ. Очень многое намъ могутъ дать уже простыя свѣдѣнія о производствѣ главнѣйшихъ продуктовъ. Ибо самый фактъ капиталистическаго

производства достаточно говорить о его возможностяхъ, о наличности для него выгоднаго сбыта, о достиженіи капиталомъ его цѣлей, о степени пригодности и удовлетворительности для него существующаго — политическаго, экономическаго, территориальнаго status'a.

Добыто угля (млн. тоннъ):

	въ 1886 г.	въ 1911 г.	Увеличеніе въ %.
Англія	160.0	276.2	72.6
Франція	19.9	39.3	97.5
Соед. Штаты	103.1	450.2	336.6
Германія	73.7	234.5	218.1

Произведено чугуна (въ тыс. тоннъ):

	въ 1887 г.	въ 1911 г.	
Англія	7.681	10.033	30.6
Франція	1.568	4.411	281.5
Соед. Штаты	6.520	29.028	368.5
Германія	4.024	15.574	387.0

Произведено стали (въ тыс. тоннъ):

	въ 1886 г.	въ 1910 г.	
Англія	2.403	6.107	154.1
Франція	428	3.390	692.9
Соед. Штаты	2.604	26.512	910.3
Германія	954	13.699	1.335.0

Число веретенъ (тыс.) въ хлопч.-бум. производствѣ.

	въ 1890 г.	въ 1914 г.	
Англія	44.505	55.972	25.8
Франція	4.915	7.400	50.6
Соед. Штаты	15.497	31.520	103.4
Германія	5.000	11.405	128.1

Если мы примемъ во вниманіе, что за тотъ же періодъ населеніе Германіи увеличилось на одну треть, то прогрессъ въ области производства мы должны будемъ признать чрезвычайнымъ; «ни одна страна въ мірѣ,—замѣчаетъ и г. Мукосѣвъ,—не давала картины такого изумительнаго экономическаго прогресса, какой показала Германія».—Приведенныя цифры, которыя можно было бы увеличить аналогичными свѣдѣніями о прогрессѣ другихъ отраслей, въ сущности, уже рѣшаютъ для насъ главную часть

вопроса. Германский капитализм развивается блестяще и процветает, как никакой другой. Существующия вышнія условия ему в этом не мешают; установление новаго status'a хотя и несомненно выгодно для него и крайне желательно, но не является для него жизненной необходимостью.—Однако, пойдём немного дальше.

За счёт чего развивается германский промышленный капитализм? Кто потребляет его продукты?—Конечно, большая часть их остаётся на огромном внутреннем рынке Германии; но вот данные об её внешней торговле (миллионы марок):

	1887 г.	1912 г.	Увеличение в %.
Привозъ	3.109	11.572	272,1
Вывозъ	2.938	8.957	205,8

Мы видим и здесь колоссальный рост. Однихъ машинъ Германия вывезла на 605 милл. марокъ (Англія въ тотъ же годъ приблизительно на 150 милл. марокъ). Въ общемъ же обороты германской внешней торговли нынѣ уступаютъ только великобританскимъ; а въ частности вывозъ сравнительно молодого германскаго капитализма—теперь уже равенъ английскому.—Но куда же вывозитъ Германия? Можетъ быть, въ тѣ колоніи, которыя остались на ея долю и которыя, какъ-никакъ, впятеро превышаютъ площадь самой метрополіи?—Увы! Собственныя колоніи Германии поглощаютъ только 2,9% всего германскаго экспорта. Въ сказочномъ ростѣ ея капитализма эти колоніи играютъ совершенно незамѣтную роль. Германский капиталъ развивается за счётъ чужихъ рынковъ.—Вотъ куда вывозитъ Германия:

	1893 г.	1913 г.	Увеличение в %.
Всего (милл. марокъ) ...	3.245	10.096	254,3
въ томъ числѣ			
въ Европу	2.508	7.677	206,0
» Африку	35	21	502,8
» Азію	117	548	353,0
» Америку	565	1.546	173,6
» Австралію	18	104	477,7

За 20 лѣтъ (1893—1913) больше всего возросъ германский экспортъ въ Африку и Австралію; т. е., при тѣхъ политиче-

скихъ разграниченіяхъ, которыя были установлены до войны, Германия стремительно захватываетъ въ чужихъ заморскихъ областяхъ нужныя ей экономическія позиціи. Въ Австралійскій союзъ, въ Алжиръ и Марокко, въ Канаду, въ Британскую Индію и въ Азіатскую Турцію—Германия вывозитъ во много разъ больше, чѣмъ въ свои жалкія Самоа, Новую Гвинею, Камерунъ и даже Кіао-Чао. Мало того: въ чужія колоніи нѣмцы вывозятъ несравненно больше, чѣмъ вывозятъ туда сами ихъ метрополіи. Такъ, тоннажъ германскаго флота, который употреблялся для торговыхъ сношеній съ Сіамомъ, равнялся 376 тыс. тоннъ, тогда какъ французская торговля велась всего 25 кораблями всего въ 9 тыс. тоннъ... Ясно, что не для этого захватывали и закрѣпляли за собой заморскія области французы и англичане; не для этого несли они несмѣтные колониальные расходы и вели кровавыя войны на Дальнемъ Востоке и черномъ материкѣ. Ясно, что германскія экономическія завоеванія въ колониальныхъ странахъ суть не что иное, какъ лишеніе англо-французскаго капитала его насущнаго хлѣба и воздуха.—Вотъ какъ описываетъ типичное положеніе дѣлъ въ колоніяхъ интересный корреспондентъ «Русск. Вѣдомостей», г. Жаботинскій.

«Хорошей иллюстраціей завоеванія новыхъ рынковъ нѣмецкой торговлей можетъ служить сѣверо-западное побережье Африки. Еще очень недавно, не дальше 20—30 лѣтъ тому назадъ, о нѣмцахъ не было и слышно на берегахъ Гвинейскаго залива. Эти глухіе берега видѣли лишь корабли англичанъ, французовъ и португальцевъ, державшихъ въ своихъ рукахъ всю торговлю края. А теперь на всемъ берегу нѣтъ уже ни одного уголка, нѣтъ ни одного глухого мѣста, гдѣ бы не процвѣтали на счетъ прежнихъ владѣльцевъ нѣмецкія торговыя фирмы. Неудержимо быстро все переходитъ въ ихъ руки. Болѣе дешевое и удобное нѣмецкое пароходство стягиваетъ къ себѣ товары и пассажировъ. Приспособленные ко вкусамъ туземцевъ нѣмецкіе товары вытѣснили вездѣ французскіе и английскіе, и даже склады, принадлежащіе французамъ и англичанамъ, вынуждены торговать ими. Ловкіе, изворотливые нѣмецкіе агенты, удивительно точно схватывающіе особенности рынка, разсѣлались по всей странѣ, и безчисленныя нѣмецкія факторіи, какъ тѣни, сопровождаютъ повсюду факторіи фирмъ другихъ національностей. Нѣмецкое англійское французское ли аладѣніе, — безразлично. Отъ нѣмцевъ буквально некуда дѣваться» *).

* См. «Изъ африканскихъ впечатлѣній», дек. 1914 г.

Но так обстоит дѣло не только въ колоніяхъ и не только на всѣхъ внѣшнихъ рынкахъ передового европейскаго капитала.— Изъ послѣдней приведенной таблички мы видѣли, что въ колоніаль- ныхъ странах направляется меньше четверти всего огромнаго германскаго экспорта. Больше трехъ четвертей вывозимыхъ изъ Германіи товаровъ потребляется европейскими странами. При этомъ главной потребительницей германскихъ товаровъ оказы- вается старая Англія: такъ, изъ 7 миллиардовъ всего германскаго экспорта 1907 г. Англія поглотила свыше миллиарда. Затѣмъ, какъ германскій рынокъ, наибольшую роль играетъ Австро-Венгрія (717 милл. м.); а далѣе приблизительно одинаковыя количества германскихъ товаровъ (на 440—450 милл. м.) потребляютъ Франція, Бельгія, Нидерланды, Швейцарія и Россія.

Понятно, что такое положеніе германскаго капитала въ самой Европѣ еще болѣе тягостно для національнаго капитала ея сосѣдей. Нѣмецкій финансистъ, промышленникъ и купецъ не только захватили чужое добро на сторонѣ, но ворвались и «во внутренніе покои» и хозяйничаютъ тамъ, какъ у себя дома. Германія не только «наступаетъ», но уже проникла въ самые отдаленные и въ самые интимные углы міра. Ея «засилье» уже давно есть притча во языцѣхъ не только у насъ, но и у недавнихъ гегемоновъ Европы. И уже никто нынѣ не можетъ скрывать отъ самихъ себя, что этой прежней гегемоніи больше не существуетъ... Еще въ 50 годахъ въ Англіи была образована парламентская коммиссія для изученія нѣмецкаго засилья; она пришла къ заключенію, что «конкуренція Германіи дѣлается все болѣе и болѣе настойчивой; во всѣхъ углахъ міра чувствуются настойчивость и упорство нѣмцевъ; они одолеваятъ насъ благодаря лучшему знанію рынка, готовности сообразоваться со вкусами каждаго, благодаря рѣшимости проникать всюду и, всюду проникая, упрочиваться». А затѣмъ, черезъ 10 лѣтъ вышла знаменитая книга Вильямса «Made in Germany», которая начиналась знаменательными словами: «Промышленное первенство Великобританіи долгое время было всеми признанной истиной; но теперь оно обращается въ мифъ, столь же соответствующій дѣйствительности, какъ возможность для китайскаго им-

ператора сдѣлать перепись своимъ подданнымъ» *). Въ настоящее время объ этомъ уже нельзя спорить: «Англіи, — по словамъ г. Ту- ганъ-Барановскаго, — не удалось удержать прежней гегемоніи; она лишилась — и навсегда — своего положенія на мировомъ рынкѣ».

Совершенно ясно, что понятія «утраты гегемоніи» и «германскаго засилья» ни въ какомъ случаѣ нельзя относить къ союзнымъ націямъ въ цѣломъ. Напротивъ, потребительскія массы и

*) Приведемъ изъ той же книги Вильямса очень картинное описаніе нѣмецкаго засилья въ нѣдрахъ старѣйшей капиталистической страны. «Осматриваясь вокругъ себя, вы найдете, что матерія нѣкоторыхъ частей вашей одежды, вѣроятно, соткана въ Германіи. Еще болѣе вѣроятно, что нѣкоторыя части туалета вашей жены привезены изъ Германіи, и уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что великолѣпныя накидки и жакеты, въ которыхъ щеголяютъ по праздникамъ ваши горничныя, сдѣланы въ Германіи и проданы нѣмцами; этимъ и объясняется ихъ доступная для горничныхъ цѣна. Женныхъ вашей гувернантки — приказчицъ изъ Сити, но онъ также нѣмецкаго происхожденія. Игрушки, куклы, книжки съ картинками, которыя портятъ ваши дѣти въ дѣтской — сдѣланы въ Германіи. Больше того, бумага, на которой напечатана ваша любимая патристическая газета, должна назвать своей родиной ту же страну. Осмотрите свой домъ, сверху донизу, и роковая марка «Made in Germany» попадется на каждомъ шагѣ, начиная отъ фортепiano въ вашей гостиной и кончая кофейникомъ вашей кухарки. Спуститесь, далѣе, въ подвалы вашего дома, и вы найдете, что и вытяжныя трубы сдѣланы въ Германіи. Вы поднимаете съ пола бумажную обертку отъ пакета книгъ, — и она сдѣлана въ Германіи. Вы бросаете ее въ огонь и, изгибаясь, замѣчаете, что кочерга, которой вы мѣшаете въ каминѣ, выкована въ Германіи. Разгибаясь, вы разбиваете бездѣлушку на каминѣ и, собирая осколки, вы замѣчаете на оборотной сторонѣ ихъ надпись: «Manufactured in Germany». Вы набрасываете ваши мрачныя мысли по этому поводу карандашомъ, сдѣланнымъ въ Германіи... Разсерженные всѣмъ видѣннымъ, вы идете спать, и ваши глаза падаютъ на висящей на стѣнѣ текстъ Св. Писанія, украшенный рисункомъ деревенской церкви, но и онъ напечатанъ въ Германіи. Вы скажете, что эта картина мною преувеличена. Посмотрите таблицу приводимыхъ мною цифръ, взятыхъ изъ официальныхъ увеличеніе не играютъ никакой роли». (Цит. по указанной работѣ В. А. Мухоморова, стр. 247).

притомъ не только демократія, но и, напр., потребители машинъ, именно потому обращаются не къ національному, а къ германскому продукту, что они «ищутъ, гдѣ лучше». Иноземное засилье совершенно не противорѣчитъ непосредственнымъ интересамъ самыхъ широкихъ слоевъ населенія, которое, наоборотъ, упорно борется съ монополіей національнаго капитала и, въ частности, съ протекціонизмомъ. Совершенно безразлична для нихъ и «міровая экономическая гегемонія». Но что нація въ цѣломъ «здорово», то національному капиталу «смерть». Активнымъ же лицомъ внутренней и виѣшней національной политики является именно онъ, а не нація въ цѣломъ.

Рѣшительно вытѣсняемая на поприщѣ промышленнаго экспорта Англія и Франція эволюционировали въ сторону экспорта капитала и ссудныхъ международныхъ операций. Но эта форма приспособленія къ обстоятельствамъ ровно ничего не измѣняетъ по существу. Вѣдь Германія также экспортируетъ огромныя массы капитала. Старая Англія въ 1911 году имѣла за границей, включая сюда и свои колоніи, приблизительно 32 миллиарда фун. ст.; сравнительно молодая Германія, съ ея незначительными колоніями, вложила за границу, хотя и гораздо меньше, но все же 35 миллиардовъ марокъ *). Общій же смыслъ этой эволюціи англо-французскаго капитализма таковъ: Германія практикуетъ именно ту форму экспорта (капитала или товара), которая для нея наиболѣе выгодна; страны же «банкиры»—ту, которая для нихъ единственно возможна.

Итакъ, согласно формулировкѣ В. А. Мукосѣева, «конецъ XIX и начало XX вѣка ознаменовались рѣшительнымъ установленіемъ въ Европѣ германской экономической гегемоніи; она безраздѣльно воцарилась на европейскомъ рынкѣ и, шагъ за шагомъ, подчиняла себѣ новыя области». . . . Т. е., намъ говорятъ, что германская гегемонія, достиженіе которой обыкновенно выставляется цѣлью военнаго нападенія на Европу, была совершившимся фактомъ уже на рубежѣ XX столѣтія. Германскій капиталъ достигъ ея при старомъ, до-военномъ международно-политическомъ status'ѣ,

*) Цифры—по S. Schilder, Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft, s. 364.

который—стало быть—открывалъ ему совершенно достаточныя возможности.

**

Вотъ тутъ-то и вспоминается скептицизмъ г. Слонимскаго по отношенію къ вышеизложенному экономическому объясненію войны. «Стоитъ только ближе присмотрѣться,—пишетъ г. Слонимскій,—къ аргументаціи сторонниковъ такого «глубокаго» пониманія событій, чтобы убѣдиться въ ея логической несостоятельности»... «Говорятъ,—продолжаетъ онъ,—что наступательная воинственность (Германія) вызвана потребностью колониальнаго расширенія; но зачѣмъ было бы нѣмцамъ проливать потоки крови ради приобрѣтенія новыхъ колоній въ собственность, когда они отлично устраивали свои дѣла въ чужихъ колониальныхъ владѣніяхъ безъ всякихъ жертвъ и усилий?.. Германія, несомнѣнно, одержала верхъ надъ Англіей и Франціей; она послѣдовательно и безпрепятственно побѣждала ихъ на мировомъ рынкѣ... Теорія «колониальнаго расширенія», очевидно, не объясняетъ и не оправдываетъ войны со стороны Германіи»... И г. Слонимскій, вполне естественно, ищетъ объясненія катастрофы въ области экономики.

Очень интересно отмѣтить, что совершенно такъ же смотритъ на дѣло и отвѣтственный публицистъ и министеріабельный лидеръ нашего либерализма, г. Милюковъ. Вотъ что пишетъ онъ въ «Ежегодникѣ» своего центрального органа «Рѣчи»: «Несмотря на поднятую въ Англіи и Франціи тревогу, германцы до послѣдняго времени очень спокойно и безпрепятственно занимались мирнымъ завоеваніемъ иностранныхъ рынковъ. Безъ всякихъ войнъ и территориальныхъ приобрѣтеній они прекрасно умѣли устраиваться «шильцами въ чужомъ домѣ»... Словомъ, по раздраженному замѣчанію французскаго писателя Дюбуа («La crise maritime»), «подобно кукушкѣ, клали свои яйца въ чужія гнѣзда». Во всѣхъ европейскихъ столицахъ германскіе промышленники и коммивояжеры составляли огромныя колоніи, являлись, благодаря живому труду и хорошей технической подготовкѣ, опасными конкурентами, вытѣснявшими національный трудъ, вызывали этимъ взрывы недо-

вольства, но и только. «Мирное проникновение» не только на колониальные, но и на европейские рынки, шло так удачно, что само по себе не могло вызвать никакой необходимости в поддержке вооруженной силой»...

Г. Слонимский в своих рассуждениях готов и идти и дальше... Выше нами был поставлен вопрос: если в настоящей войне проявлялся конфликт империализмов передовых стран, то какие же именно нормы преследуются инициатором войны—захват чужого или защита своего, свобода конкуренции или монополия? Г. Слонимский полагает, что *status quo ante bellum* был вполне благоприятен для немецкого и тягостен для французского и английского капиталов. И если дело действительно в столкновении экономических интересов национальных капиталистических групп, то смысл вооруженной борьбы состоит именно в защите своего монопольного положения в своих владениях против сокрушительного натиска Германии. «Необычайные успехи германской производительности,—рассуждает г. Слонимский,—могли возбудить недовольство англичан и французов, могли вызвать в Англии и Франции желание насильственной защиты их национальных интересов; поэтому, если из-за экономического соперничества могла возникнуть война, то только со стороны потерпевших стран в видах самозащиты, а никак не со стороны торжествующей Германии, процветание которой возросло именно в годы мира»... Очевидно, что в войне при таких условиях Германия могла бы преследовать именно *status quo*, при котором она благоденствовала и процветала; национальная же защита представителей «потерпевшего» капитала требовала именно изменения гибельного для него *status quo*.

Само собой разумеется, что всю эту схему решительно отвергают цитированные виднейшие представители русского либерализма: ибо известно, что на деле Франция и Англия не готовились к войне и все больше проникались духом миролюбия, следуя только по необходимости в слабой степени за Германиею в деле вооружения».

Но какие же, в самом деле, мыслимы средства «национальной

самозащиты» капитала против германской гегемонии и всемирного немецкого нашествия? Прежде всего, теоретически мыслима борьба теми же средствами, которыми побуждает Германия; о средствах этих была речь в цитированных словах английской парламентской комиссии, а также гг. Милюкова и Жаботинского. Т. е. мыслима борьба путем радикального улучшения всего технико-экономического торгового-промышленного аппарата союзных стран. И действительно, «немецкое засилье» уже давно породило и в Англии и во Франции чрезвычайно сильное движение в пользу рационализации промышленности и торговли. Тщательно изучаются причины германских экономических побед; ведется интенсивная агитация, мобилизуется вся национальная наука и техника на службу национальной промышленности; устраиваются съезды и выставки, создается огромная литература. Все это, несомненно, должно дать самые благие результаты. Но едва ли может быть речь о том, чтобы все это могло достигнуть основной цели—вернуть национальному капиталу экономическую гегемонию и свободу от германского засилья. Ибо все движение совершается вокруг лозунга—учиться у немцев торгового-промышленной техники и экономическим побздам: дальше этого чисто экономическое движение по существу своему идти не может. А между тем в Германии идет параллельная работа, и сравнительные результаты ее ведь уже были испытаны. Быть может, со временем Германия будет побуждена в чисто экономической борьбе больше молодыми странами; но едва ли колесо истории обратится вспять.

Мыслимы и иные средства, уже выходящие за пределы чистой экономики. Таковы—бойкот. Но стоит ли говорить о нем, как о реальной возможности? Средство, многократно испытанное и совершенно безнадежное. Не побдить национальной идее экономических расчетов обывателя. Не осилить патристическим призывам тяги потребительских масс к жизненным удобствам и дешевизне. Бойкот есть не больше, как свидетельство собственного бессилия.—Существует и более действительное средство—также анти-экономического характера; можно даже счи-

вольства, но и только. «Мирное проникновение» не только на колониальные, но и на европейские рынки, шло так удачно, что само по себе не могло вызвать никакой необходимости в поддержке вооруженной силой»...

Г. Слонимский в своих разсуждениях готовъ идти и дальше... Выше нами были поставленъ вопросъ: если въ настоящей войнѣ проявился конфликтъ империализмовъ передовыхъ странъ, то какія же именно нормы преслѣдуются инициаторомъ войны—захватъ чужого или защита своего, свобода конкуренціи или монополия? Г. Слонимский полагаетъ, что *status quo ante bellum* былъ вполнѣ благоприятенъ для нѣмецкаго и тягостенъ для французскаго и англійскаго капиталовъ. И если дѣло дѣйствительно въ столкновении экономическихъ интересовъ національныхъ капиталистическихъ группъ, то смыслъ вооруженной борьбы состоитъ именно въ защитѣ своего монопольнаго положенія въ своихъ владѣніяхъ противъ сокрушительнаго натиска Германіи. «Необычайные успѣхи германской производительности,—разсуждаетъ г. Слонимский,—могли возбудить недовольство англичанъ и французовъ, могли вызвать въ Англии и Франціи желаніе насильственной защиты ихъ національныхъ интересовъ; поэтому, если изъ-за экономического соперничества могла возникнуть война, то только со стороны потерпѣвшихъ странъ въ видахъ самозащиты, а никакъ не со стороны торжествующей Германіи, процвѣтаніе которой возросло именно въ годы мира»... Очевидно, что въ войнѣ при такихъ условіяхъ Германія могла бы преслѣдовать именно *status quo*, при которомъ она благоденствовала и процвѣтала; національная же защита представителей «потерпѣвшаго» капитала требовала именно и змѣненія гибельнаго для него *status quo*.

Само собой разумѣется, что всю эту схему рѣшительно отвергаютъ цитированные виднѣйшіе представители русскаго либерализма: ибо извѣстно, что на дѣлѣ «Франція и Англія не готовились къ войнѣ и все болѣе проникались духомъ миролюбія, слѣдуя только по необходимости въ слабой степени за Германію въ дѣлѣ вооруженій».

Но какія же, въ самомъ дѣлѣ, мыслимы средства «національной

самозащиты» капитала противъ германской гегемоніи и всемірнаго нѣмецкаго нашествія? Прежде всего, теоретически мыслима борьба тѣми же средствами, которыми побѣждаетъ Германія; о средствахъ этихъ была рѣчь въ цитированныхъ словахъ англійской парламентской комиссіи, а также гг. Милюкова и Жаботинскаго. Т. е. мыслима борьба путемъ радикальнаго улучшенія всего технико-экономическаго торгово-промышленнаго аппарата союзныхъ странъ. И дѣйствительно, «нѣмецкое засилье» уже давно породило и въ Англии и во Франціи чрезвычайно сильное движеніе въ пользу рационализациі промышленности и торговли. Тщательно изучаются причины германскихъ экономическихъ побѣдъ; ведется интенсивная агитациа, мобилизуется вся національная наука и техника на службу національной промышленности; устраиваются съѣзды и выставки, создается огромная литература. Все это, несомнѣнно, должно дать самые благіе результаты. Но едва ли можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы все это могло достигнуть основной цѣли—вернуть національному капиталу экономическую гегемонію и свободу отъ германскаго засилья. Ибо все движеніе совершается вокругъ лозунга—учиться у нѣмцевъ торгово-промышленной техники и экономическимъ побѣдамъ: дальше этого чисто экономическое движеніе по существу своему идти не можетъ. А между тѣмъ въ Германіи идетъ параллельная работа, и сравнительные результаты ея вѣдь уже были испытаны. Быть можетъ, со временемъ Германія будетъ побѣждена въ чисто экономической борьбѣ болѣе молодыми странами; но едва ли колесо исторіи обратится вспять.

Мыслимы и иныя средства, уже выходящія за предѣлы чистой экономіки. Таковы—бойкотъ. Но стоитъ ли говорить о немъ, какъ о реальной возможности? Средство, многократно испытанное и совершенно безнадежное. Не побѣдить національной идеі экономическихъ расчетовъ обывателя. Не осилить патристическимъ призывамъ тяги потребительскихъ массъ къ жизненнымъ удобствамъ и дешевизнѣ. Бойкотъ есть не больше, какъ свидѣтельство собственнаго безсилія.—Существуетъ и болѣе дѣйствительное средство—также видъ-экономическаго характера; можно даже счи-

тать его прямо политическимъ средствомъ. Это таможенное объединеніе колониальныхъ владѣній съ метрополіями... До сихъ поръ Англія была, какъ извѣстно, цитаделью свободной торговли и не ограждала пошлинами даже Британскихъ острововъ; но переходъ къ протекціонизму есть вопросъ времени и притомъ ближайшаго будущаго. Начатое Чемберленомъ теченіе въ пользу замѣны свободной торговли «справедливой торговлей» ко времени войны уже достигло огромной силы. И, конечно, передъ лицомъ германской опасности не устоять «добрымъ традиціямъ»... Надо замѣтить, однако, что переходъ къ протекціонизму и созданіе единаго хозяйственнаго организма—дѣло крайне трудное. Въ самой метрополіи приходится сталкиваться съ рѣзкимъ противорѣчіемъ интересовъ внутри самихъ капиталистическихъ группъ и съ рѣшительной оппозиціей протекціонизму со стороны всей демократіи. Что же касается колоній, то и для нихъ таможенное объединеніе есть прямой и немалый ущербъ. Многія изъ нихъ не прочь создать свою собственную таможенную стѣну—для охраны своей собственной промышленности ото всякой европейской конкуренціи и въ томъ числѣ отъ англійской (нѣкоторыя изъ нихъ уже и осуществили это); но попытки насильственной замѣны всѣхъ болѣе привычныхъ, болѣе дешевыхъ, болѣе подходящихъ продуктовъ непременно англійскими—не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны колоній. Вопросъ, однако, въ томъ, помогло ли бы дѣлу таможенное объединеніе, если бы оно было осуществлено, несмотря на всѣ препятствія?

Сомнѣній тутъ быть не можетъ. При данныхъ условіяхъ таможенное объединеніе есть палліативъ, совершенно не достигающій цѣли. Германія—въ частности, благодаря ряду искусственныхъ пріемовъ своей экспортной политики—съ успѣхомъ преодолеваетъ исключительный протекціонизмъ Россіи; о другихъ протекціонистскихъ странахъ не приходится и говорить. Въ данномъ случаѣ таможенные загородки, хотя и приносятъ нѣкоторую пользу, но въ общемъ оказываются безсильными. Сама «фритредерская» Англія уже пришла, начиная съ 1898 года, рядъ «переходныхъ мѣръ» по установленію «болѣе тѣсной связи съ колоніями»: для

Канады, Южной Африки, Новой Зеландіи и Австралійскаго союза были установлены льготные тарифы съ метрополіей. Франція же еще въ 1892 году оградилась свои колоніи таможенной стѣной отъ всѣхъ другихъ странъ. А результаты—налицо. Эта мѣра не помогаетъ. Германія преодолеваетъ всѣ такого рода преграды. Никакого подобія монополіи, необходимой національному капиталу, при помощи таможенныхъ пошлинъ Англія и Франція въ своихъ владѣніяхъ создать не могли.

Надо признать, что дѣйствительныхъ средствъ борьбы, дѣйствительныхъ путей къ возврату гегемоніи—вообще не существуетъ. Приходится просто примириться съ тѣмъ положеніемъ въ мировомъ хозяйствѣ, въ которое поставило старѣйшія капиталистическія страны мировое экономическое развитіе... Но это легко сказать. Каково это сдѣлать тѣмъ, кто въ этомъ непосредственно и кровно заинтересованъ! О настроеніи ихъ интересно пишетъ г. Жаботинскій въ своихъ «африканскихъ впечатлѣніяхъ».

«Разъѣжая по этимъ далекимъ краямъ, на каждомъ шагѣ видишь, что Германія, какъ новый Карагента, оптимала вездѣ и всюду всякую возможность жизни у остальныхъ народовъ. Задолго до настоящей войны борьба на жизнь и смерть уже велась на пространствѣ всего міра между болѣе старыми европейскими государствами и молодой, расцвѣтающей Германской имперіей. Только въ мирное время эта война за торговое преобладаніе была не по силамъ ни Франціи, ни Англіи. Арсеналь средствъ, возможныхъ въ мирное время, не могъ сломить ростаніе мѣцкой торговли и медленно и неуклонно она вытѣсняла торговлю другихъ странъ со всѣхъ рынковъ.

Во время знаменитаго агадирскаго инцидента мнѣ пришлось сидѣть на маленькой факторіи, затерявшейся въ дельтѣ Нигера. Отрѣзанные отъ всего міра, мы жили здѣсь въ крошечной хибаркѣ вдвоемъ съ агентомъ-англичаниномъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, смута вторглась къ намъ. Съ печкой газетъ, взволнованный, счастливый, пріѣхалъ агентъ, завѣдывавшій райономъ. Омъ былъ неузнаваемъ. Съ восторгомъ, съ упоеніемъ онъ говорилъ про предстоящую войну съ Германіей, про неминуемый конецъ владычества нѣмцевъ надъ миромъ. Въ его глазахъ рисовались удивительныя картины низвизія нѣмецкой торговли отовсюду, куда она успѣла проникнуть и гдѣ она, благодаря своей удивительной приспособляемости, быстро завоевала преобладающее положеніе. Затѣмъ—

ная ненависть къ счастливому конкуренту, скрываема в обычное время, проснулась в это время в замкнутой душѣ этихъ итровокъ на жизнь и смерть и превратилась в какой-то кличъ уничтоженія и истребленія врага...»

Чего же, однако, можно достигнуть войной? Какой новый status способенъ парализовать германскій натискъ и вернуть гегемонію англо-французскому капиталу?—Въ полномъ соответствии съ только что описанными настроеніями, в нашей печати приводились мнѣнія нѣкоторыхъ изъ союзныхъ писателей о необходимыхъ условіяхъ будущаго сожителства государствъ.—Война сама по себѣ есть могучій факторъ психическаго воспитанія, и въ этомъ отношеніи на нее возлагаются немалыя надежды: «завтра,—писалъ годъ назадъ французскій «Sémaphore»,—французскій купецъ будетъ вездѣ прекрасно принятъ, а нѣмецкій встрѣтитъ закрытыя двери и враждебныя лица... Наши промышленники поступили бы очень умно, если бы... приготовились возможно скорѣе и окончательнѣе занять экономически тѣ территоріи, которыя, благодаря престижу нашего оружія и ненависти всего міра противъ Германіи, идутъ навстрѣчу нашему завоеванію... Было бы хорошо, если бы наши коммерсанты... приготовились обслуживать новую кліентуру, которая готова ихъ принять съ дружкой улыбкой на устахъ»... Для упроченія «связи съ колоніями», о которомъ говорилось выше, война также сдѣлала не мало: «для политической связи съ ними,—говорилъ въ парламентѣ г. Эд. Грей,—одинъ годъ войны самъ по себѣ сдѣлаетъ то, чего не сдѣлали бы 100 лѣтъ мира».—Но, конечно, психологическія предпосылки, создаваемые самымъ процессомъ войны, это — дѣло второстепенное. Гораздо важнѣе матеріальные результаты.

Прежде всего, предполагается, что Германія будетъ истощена войной гораздо болѣе союзныхъ государствъ. Условія же будущаго мира окончательнѣе довершатъ ея истощеніе. Во французской литературѣ неоднократно упоминалась цифра контрибуціи въ 100—110 и болѣе миллиардовъ, которые лягутъ на нѣсколько поколѣній. Помимо денежнаго вознагражденія, высказывались мнѣнія насчетъ изыятія изъ рукъ германскаго капитала его огромнаго флота, а

также насчетъ лишенія германцевъ части ея огромныхъ естественныхъ богатствъ, въ родѣ вестфальскихъ угольныхъ копей. Далѣе, въ свое время возникъ цѣлый рядъ проектовъ политическаго расчлененія Германіи—на двѣ части или на много мелкихъ государствъ-провинцій, политически автономныхъ и экономически раздѣленныхъ; «мы отрицаемъ за Германіей право на единство,—писалъ одинъ французскій авторъ;—побѣдоносная Франція не позволить, чтобы рядомъ съ ней существовало перенаселенное и компактное государство!» Другой авторъ предусматривалъ даже и конституціи для новыхъ карликовыхъ государствъ, а также и мѣры, предупреждающія ихъ попытки снова слиться въ могучій политико-экономическій организмъ.

Осуществится это или нѣтъ,—но во всякомъ случаѣ полная побѣда откроетъ возможность къ вмѣшательству и распоряженію внутренними дѣлами Германіи. Для обезпеченія контрибуціи будетъ возможенъ финансовый контроль, урегулированіе тарифовъ, соответствующія ставки промысловаго и другихъ налоговъ. Наконецъ, въ литературѣ уже давно разрабатывается планъ европейской таможенной системы, долженствующій поставить Германію въ то изолированное положеніе, котораго въ свое время войнами же добивался для Англіи Наполеонъ... Во всякомъ случаѣ, для національнаго англо-французскаго капитала побѣдоносная война открываетъ самыя широкія возможности. Возстановленіе его гегемоніи въ результатъ полной побѣды можно считать вѣроятнымъ. При иныхъ же условіяхъ оно было бы невозможно...

Въ общемъ, положеніе, какъ видимъ, не такое сложное, чтобы въ немъ было затруднительно разобраться. Однако, нельзя не признать, что наша публицистика все же сумѣла заблудиться въ трехъ соснахъ, несмотря на всю затраченную ею энергію. Подходила она къ вопросу и съ одного конца и съ другого, но концовъ съ концами не свела. Это потому, что, разбираясь въ историческихъ явленіяхъ, необходимо имѣть не только энергію: необходимо еще отбросить всякаго рода эмоціи, необходимо «не плакать и не смѣяться, а понимать».